

РОБЕРТ БЕННЕТ

ЧАША БААЛА

ROBERT AMES BENNET.
THE BOWL OF BAAL

Роберт Беннет

Чаша Ваала

«СОЮЗ»

1917

Беннет Р.

Чаша Ваала / Р. Беннет — «СОЮЗ», 1917

ISBN 978-5-6049168-1-0

Во время археологической экспедиции, в глубине Аравийских пустынь, американский студент Ларри О'Брайен обнаруживает затерянный мир, расположенный в природном углублении, известном как Чаша Ваала. Здесь, среди лишенных жизни песков цветет плодородный зеленый оазис – сад Ирема. В нем живет богиня-жрица Истара и злобная жрица Тигра. Обе женщины – дочери народа, который более двух тысяч лет отрезан от всего остального мира. Здесь так же обитают племя воинственных пещерных людей и огромный ящер, которому поклоняются люди этого забытого мира. Похоже, что казавшаяся незначительным развлечением экспедиция превращается для Ларри в самое настоящее полное опасностей приключение.

ISBN 978-5-6049168-1-0

© Беннет Р., 1917

© СОЮЗ, 1917

Содержание

1. Самум	6
2. В неизвестное	11
3. Зловещее приветствие	15
4. Волшебство	19
5. Возвышенная роль	23
6. Солнечный глаз	27
7. Ваал слушает	31
8. Коварная султанша	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Роберт Беннет Чаша Ваала

Robert Ames Bennet

«Bowl of Baal», 1916–1917

(перевод с английского А. Грузберг)

© перевод с английского А. Грузберг

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

1. Самум

Его звали Лерб́й. Но для друзей он был Ларри, потому что фамилия его О'Брайен. Золотисто-каштановые или морковного цвета волосы на безрассудной беспечной голове и голубые, как глаза озера Киларни [*Город в Ирландии. – Прим. пер.*] под летним ветром, – таковы внешние проявления того, что скрывается внутри человека. Он родом из Миссури, и его небольшое состояние настолько плотно увязано в специальном фонде, что между ежеквартальными поступлениями денег ему часто приходится заглядывать в пустой бумажник, когда нужно заплатить за поддержание своего внешнего вида.

Ему удалось поступить в Гарвард, где он провел неполных два года, изучая курсы, такие же нерегулярные, как и его посещаемость. Будучи Ларри О'Брайеном, он в качестве сожителя в комнате общежития выбрал самого последнего, кого можно было ожидать от него. Сиринг, невысокий, с покатыми плечами, молодой, но выглядящий старым, сухой, неромантичный археолог, который родился и вырос в Аравии и чьей специальностью были арабские руины и надписи. Для О'Брайена он был само воплощение непостижимого востока и «Тысячи и одной ночи».

Когда у него были средства, О'Брайен чувствовал Сиринга, как принца. Между такими периодами они жили на овсянке и финиках. В обмен человек из Миссури кое-что получил. Он научился бегло говорить по-арабски и расшифровывать маймиритские, сабейские и еще более древние арабские письмена и иероглифы. Независимо от этого, он завоевал несколько призов и кубков в стрельбе из пистолета, провалил почти все экзамены и, пройдя короткий курс, получил лицензию пилота моноплана.

Война нарушила планы «старины Сира»: он собирался снова побывать с археологической экспедицией в Аравии и отыскать старинные руины, которые, как сообщалось, были замечены в пустыне к северу от Хадрамаута. Ни один белый человек, даже араб с побережья, теперь не мог проехать по территории горных племен к северу и востоку от протектората Аден. Сиринг вынужден был на неопределенное время отложить свою экспедицию.

Примерно в это же время факультет наемкнул О'Брайену, что колледж считает желательным его постоянное отсутствие на занятиях. И поскольку ему все равно приходится уезжать, О'Брайен спросил себя, а почему бы не отправиться туда, куда хочется поехать его приятелю. Сирингу необходим новый запас древних материалов. Он должен провести исследования истории и образа жизни султанов, правивших между Йеменом и Хадрамаутом задолго до того, как их прапраправнучка Билкис, царица Савская, отправилась в Иерусалим, чтобы предстать перед Сулейманом ибн Даудом.

Что может быть проще и интересней, чем проехать по Аравии и привезти Сирингу несколько сотен футов надписей? Горные племена останавливают все караваны? Тем лучше! Верблюды – всего лишь неуклюжие животные. Он играл роль араба в одном из фильмов, снятых в Южной Калифорнии, и от одного воспоминания у него начинала болеть спина. Самолет летит быстрее птицы и значительно быстрее, чем знаменитые лошади Неджда. А самая высокая арабская крепость для летчика не больше, чем просто воздушный замок, если он выше дальности полета пули.

Возражений Сиринга он не слышал. О'Брайен удалился – из колледжа навсегда – в поисках новых археологических открытий. Через несколько недель он высадился в Адене со снаряжением, включавшем лучший американский невоенный самолет.

И сразу увяз в бюрократии, из-за которой пришлось в ужасной жаре окруженного кратерами Адена провести две недели. Наконец даже подозрительные англичане капитулировали перед его ирландско-американской улыбкой и подмигиванием голубых глаз. И он получил разрешение лететь из Адена в сторону пустыни.

Вначале от него требовали, чтобы в полете его сопровождал младший офицер. Это требование было неохотно снято, когда американец заметил, что должен нести запас еды, воды и бензина на несколько дней, если ему предстоит долгий поиск неизвестно где расположенных руин.

Подлинная причина, по которой он хотел лететь один, связана со случайным замечанием младшего офицера, что большая пустыня в центре Аравии никогда никем не пересекалась, кроме как в далекие древние времена. Это действовало на дух искателя приключений, и О'Брайен планировал, если условия будут благоприятными, пролететь на восток-северо-восток через сердце огромного обиталища пустоты вплоть до британских территорий у Персидского залива.

Такая авантюра заставила бы степенных британцев усомниться в его здравом рассудке и – что еще хуже – немедленно запретить полет. Поэтому О'Брайен ничего не сказал. Но он избавился от всего абсолютно необходимого и добавил запас бензина так, чтобы можно было пролететь больше двенадцати сотен миль.

К этому времени его смелость и постоянная кельтская улыбка вызвали доброе отношение всего Адена и восхищенную зависть большинства младших офицеров. В последний вечер он по-царски поужинал на банкете, устроенном английскими военными, и через полчаса после наступления полуночи оставил стол своих дружелюбных хозяев и приготовился к подъему. О'Брайен сел в заднее сидение и надел летный шлем. В резком свете, залившем поле, гротескно сверкнули большие квадратные стекла очков.

– Благополучного полета! – сказал горец в кильте. – Не надевайте шлем с очками, когда встретитесь с сыновьями Исмаила! Они примут вас за джинна, прилетевшего на птице рок.

Грохот мотора заглушил вызванный шуткой шотландца смех провожающих. О'Брайен посмотрел вниз и увидел машущих руками людей, хотя услышать их крики не мог.

Несмотря на тяжелый груз, самолет по спирали легко поднимался. Через несколько минут он поднялся на тысячу футов над Аденом, гаванью и большим шлаковым кратером, в котором расположен город. Наконец О'Брайен перестал кружить и, продолжая постепенно подниматься, полетел на северо-восток в высокогорные районы Хадрамаута.

Полет можно было вести по компасу и Полярной звезде, а ночь предоставляла преимущества прохлады и незаметности. Если не подведет двигатель, к началу дня он благополучно минует плато, на котором обитают свирепые горные племена, и окажется над необитаемой пустыней. Расстояние ему известно. Нужно только регулировать скорость и выбрать верный курс, чтобы преодолеть туманные горные хребты, которые смутно виднелись в черной ночи над плато и долинами.

Его мотор не раз могли услышать внизу стражи племенных границ. Но если кто-нибудь из арабов и видел темные очертания самолета, быстро проносящиеся по сине-черному, усеянному звездами небу, вероятно, эти наблюдатели пригибались и бежали в укрытие, считая, что вернулась легендарная птица рок из их фольклора, чтобы впервые со дней Синдбада грозить Аравии.

По оценке О'Брайена, между рулем его самолета и Аденом было чуть больше трехсот миль, когда появились первые предвестники рассвета. Через несколько мгновений призрачный свет позволил ему видеть, что он пересекает большую полусухую долину, усеянную тем, что казалось рощами и полями. Он снизил высоту и увидел, что летит над окруженным стеной городом с несколькими мечетями и множеством высоких с плоскими крышами домов из высушенного на солнце кирпича.

Бросив один взгляд, он начал удаляться от города. Он увидел достаточно, чтобы сориентироваться. Размер поселения говорил, что это Шимбам, главный город северного Хадрамаута. Долина, должно быть, большая Вади Хадрамаут, граничащая с пустыней. За этой вади находится обширный океан песка, который тянется через всю Аравию от Йемена до Омана.

О'Брайен повернул самолет и полетел прямо на Полярную звезду, пока абсолютная тьма, наступившая после ложного рассвета, не сменилась настоящим рассветом.

Первый перламутровый свет сверкнул розовыми оттенками и вспыхнул алым, красным и золотым цветами, когда на восточном горизонте показалось солнце. Но как ни быстро развивался тропический рассвет, самолет уже давно оставил позади Вади Хадрамаут, миновал сухие пастбищные земли и летел над пустыней.

Новое солнце озарило страшную пустыню, покрытую волнами огненного красного песка, уходящего на запад, восток и север. Это уже настоящая пустыня, район вечно движущихся, вечно меняющихся песков, которые арабы очень уместно называют Роба эль Кали – Обитель Пустоты.

О'Брайен широко раскрытыми глазами через очки шлема смотрел на эту пугающую сцену, но она скорее привлекала его, чем пугала. В этой беспредельной безжизненной пустыне была красота, захватившая кельтское воображение. И он все дальше и дальше углублялся в волны этого океана с такой же беззаботностью, с какой ласточка летит над прудом.

Пурпурная туманная дымка на горизонте замкнула за ним кольцо. Насколько хватал глаз, его со всех сторон окружала пустыня. О'Брайен повернул на запад, намереваясь сделать широкую петлю, а потом повернуть на восток, надеясь, что солнце поднимется достаточно высоко и не будет слепить его.

С полчаса он улетал от солнца. Наконец, охваченный нетерпением из-за неспособности увидеть что-нибудь, кроме волн песка сквозь пурпурную дымку на горизонте, он снова повернул на север. Спустя всего минуту он увидел неяркий синевато-белый отблеск справа и сразу повернул туда самолет.

Отблеск потерял синеватый оттенок и превратился в ряд белых точек. По мере того как О'Брайен снижался, точки росли и превращались в массу развалин. Еще через несколько мгновений он смог разглядеть мраморные стены и колонны, и от этого великолепия у него захватило дыхание. Он кружил над развалинами дворца, не менее величественного, чем в Пальмире. На север и на восток огромное здание наполовину погрузилось в высокие пески столетий, но стена с южной стороны оставалась открытой почти до самого низа.

О'Брайен легко посадил самолет перед величественным главным портиком. Выбираясь из кабины, чтобы размять затекшие мышцы, он подготовил длинноствольный автоматический пистолет. Но на гладком песке не было никаких следов, и, насколько он мог судить, вокруг вообще не было ни следа диких зверей, или змей, или бродячих бедуинов. Даже ящерицы не прятались среди мраморных блоков.

– Сдается в аренду, – сухо заметил О'Брайен. – Любопытно, предыдущие обитатели оставили какие-нибудь записи.

Выбравшись из тесной кабины, О'Брайен решил, что проголодался, и, прежде чем начинать исследования, удовлетворил голод холодным цыпленком и кофе из термоса. Перед самым отлетом из Адена один завидующий ему офицер заставил летчика принять коробку манильских сигар, кофе и холодную птицу.

Поев и убрав сигары в шкафчик, О'Брайен снова накинул летный капюшон со шлемом. Держа в руке небольшой фотоаппарат, он прошел через большой портик и по широкой присыпанной песком лестнице поднялся в большой зал.

У входа он резко остановился, охваченный необычным чувством одиночества. Огромное помещение без крыши, в котором он стоял, было еще более одиноким и пустынным, чем сама пустыня снаружи. Когда-то это был заполненный людьми двор царей, теперь это могила Времени и Обитель Пустоты. Покрытое пылью возвышение в конце зала стало тронem смерти, победительницы всего. Прошли века с тех пор, как безжизненные пески этого мрачного уничтожителя погребли то, что когда-то было большим оазисом, и с приходом пустыни надменные правители оазиса и их народ исчезли.

Исчезла вся жизнь – но не записи о ней. Каждый большой храм и дворец – это книга о прошлом, полная историй, рассказов и иллюстраций. Когда взгляд О'Брайена упал на ближайшую стену, американец, охваченный возбуждением, забыл и об одиночестве, и о благоговении. Колонны, стенные панели, антаблементы – все было покрыто выгравированными надписями и изображениями богов и людей, птиц, и животных, и демонов.

Это не один том, а целая археологическая библиотека, которую с помощью объектива своего фотоаппарата он отвезет Сиригу. О'Брайен улыбнулся и начал систематически фотографировать все различные надписи в большом зале.

Солнце поднималось к середине неба, жара становилась сильнее, но почему-то она переносилась легче, чем удушливый зной Адена. О'Брайен продолжал работать, быстро делая один снимок за другим. Надписи сделаны на протосабейском алфавите, и он развлекался, отгадывая значение отдельного слова или фразу. Наконец один фрагмент надписи заставил его остановиться и задуматься.

– Богине, – прочел он. – Нет, жрице... богине-жрице из Ад... из Бени Ада... жилища... Чаши Ваала, Ирема.

Он попытался смягчить пересохшие губы.

– Коротко и точно. Богиня-жрица. Когда Сириг услышит об этой богине-жрице...

Он замолчал и стоял, глядя на те места надписи, где были слова Бени Ад и Ирем. Он вспомнил арабскую легенду о Саде Ирема, посаженном в пустыне Шеддадом, сыном Ада. Сад соперничал с раем, и поэтому Аллах наказал Шеддада за надменность, уничтожив его и весь его народ страшным самумом.

Древняя надпись на стене дворца в пустыне свидетельствовала о том, что у легенды было реальное основание. Здесь, среди лишенных жизни песков, когда – то был зеленый оазис. А в каком-то природном углублении, известном как Чаша Ваала, возможно, еще глубже в пустыне, когда-то цвел еще более плодородный оазис, который назывался Ирем.

Все еще думая о необычной ссылке в старинной надписи на богиню-жрицу и затерянный легендарный сад, О'Брайен возобновил фотографирование. Существуют и другие большие развалины, которые нужно исследовать и сфотографировать, и он работал с удвоенной энергией.

Однако к полудню жара, пыль и крайняя сухость заставили его сделать перерыв и пойти за водой. Недалеко находилась большая трещина в восточной стене, и он начал подниматься по груде песка, наметенного через отверстие. Он собирался обогнуть юго-восточный угол развалин, но, когда он выбирался из трещины, знойное спокойствие пустынного полудня нарушилось сильным порывом воздуха. Это был жаркий, как из печи, порыв ветра, который мог бы прилететь с песчаных валов на северо-востоке, если бы их красные вершины были раскаленной вулканической лавой.

Мгновение спустя О'Брайен услышал далекий гул. Он посмотрел на северо-восток и увидел гигантскую массу пыльных коричневых облаков, которые быстро катились на него с горизонта. Одного взгляда было достаточно. Он повернулся и побежал за угол так быстро, как мог по наклонному песку. Ему необходима была максимальная скорость. Прежде чем он добежал до угла, гул перешел в далекий рев, и беглый взгляд назад показал ему яростную тучу, страшной угрозой накрывшую и землю, и небо за ним.

О'Брайен миновал южную стену дворца; он бежал, как никогда раньше. Страх укрепил его мышцы, и даже вязкий песок его не задерживал. Он добежал до самолета и забрался в кабину, когда солнце исчезло, сменившись тусклым красным свечением. Он скорчился в каюте и накрылся с головой большим бедуинским плащом. И в то же мгновение самум ударил по дворцу с громовым ревом, словно с неба на добычу опустился гигантский ифрит.

Если бы самолет находился в открытой пустыне, его тут же швырнуло бы в небо, разбило бы на куски и снова бросило вниз, в пене и брызгах движущегося песка. Даже под прикрытием

высокой дворцовой стены порывы ветра, несущиеся над развалинами и вокруг них, раскачивали и наклоняли машину.

Но гораздо хуже были страшная жара и пыль. Уже и так страдающему от жажды О'Брайену стало еще хуже от ужасающего сухого жара и почти неощутимой пыли, которая пробивалась сквозь толстую ткань из верблюжьей шерсти. Казалось, удары воющего демона самума не могут разрушить самолет, но могут задушить человека яростно горячим, полным пыли дыханием.

Ноздри, рот и горло пересохли и покрылись коркой. Язык начал разбухать. Пыль забивалась в легкие. Он задыхался. И как ни старался, казалось, но может набрать воздух в легкие. Он опустился еще ниже и прижался к фюзеляжу. Потом все потемнело.

2. В неизвестное

Погруженный в полную темноту, О'Брайен вначале почувствовал постукивание по голове. Он смутно слышал приглушенный крик. Постукивание повторилось. Затем бедуинский плащ над головой начали дергать. О'Брайен понял, что кто-то пытается привести его в чувство. Воющий рев самума прекратился. Ураган из песка и пыли прошел.

Нащупав пальцами край плаща, он стащил его с головы. И услышал резкий крик и хлопанье крыльями. Все еще ошеломленный, он осмотрелся. Большая часть пыли из воздуха уже осела. О'Брайен набрал полную грудь оживляющего воздуха, и его зрение начало проясняться. У левого крыла самолета сидел большой сокол. Его кривой клюв был раскрыт, птица словно угрожала ему.

Американец осторожно извлек пистолет и направил его на необычного гостя. Птица не пыталась ни улететь, ни напасть. О'Брайен опустил пистолет. Неужели сокола застал самум, и, как и пилот, он укрылся под защитой дворца, а потом своими криками и дерганьем привел в себя и спас его от удушья? Несомненно, это ученый сокол, с которым охотились арабские принцы.

Неожиданно пришло осознание, что он умирает от жажды. О'Брайен положил пистолет, рывком распахнул шкафчик и достал фляжку. Хотя и теплая, вода чудесным образом оживила его. Он промыл пыльный рот и горло и напился.

Когда фляжка наполовину опустела, он остановился и налил немного воды в крышку. Сокол тут же прыгнул ему на левую руку. Он вытянул пыльную, с взъерошенными перьями шею и погрузил кривой клюв в воду.

Первым побуждением О'Брайена, когда птица прыгнула ему на руку, было отбросить ее, но тут он увидел у нее на ноге металлическое кольцо. Присмотревшись внимательней, он понял, что кольцо из тонкого медного листа и покрыто вырезанными по металлу знаками. Он очень осторожно достал свой носовой платок. И когда сокол перестал пить и распрямил шею, О'Брайен накинул платок ему на голову. Птица не делала попыток вырваться или сбросить покров. О'Брайен посадил ее на крыло самолета и завязал платок на шее. Птица спокойно отдыхала.

Очень просто оказалось снять кольцо с лапки. О'Брайен распрямил металлический лист и наклонился, разглядывая надпись. Он ожидал увидеть современное арабское письмо. К его изумлению, первый же взгляд показал, что эти знаки очень похожи на древние надписи в разрушенном дворце. Ошибки быть не могло. Хотя надпись сделана полукурсивом, она не только напоминает письменность во дворце – это та же самая письменность!

Еще поразительней оказались слова, которые О'Брайен разобрал на недавно написанных строчках на меди. Вскоре он расшифровал каждое слово, потому что большинство знаков было ему понятно, а контекст позволял понять смысл остальных. Это было послание – послание, которое могло быть написано три тысячи лет назад.

Ваал, бог дня, брат Иштар, приди в Чашу! Спаси Истару, твою богиню-жрицу, от темной Тигры, жрицы твоего врага, злого Обитателя Ирема!

О'Брайен дважды перевел послание, чтобы быть уверенным, что не ошибся. И чем больше о нем думал, тем непонятней оно становилось. Надпись была такой недавней, что даже легкие царапины, нанесенные острым пером на мягкой меди, оставались четкими и хорошо видимыми. Но со времен Мохаммеда во всей Аравии нет ни одного араба, который осмелился бы молиться Ваалу, проклятому языческому богу предков.

О'Брайен в замешательстве подумал, что какой-нибудь исследователь нашел древнюю молитву и позабавился, копируя ее на медном листке. Возможно ли это? Но подражатель ско-

пировал бы древние прямоугольные формы раннего арабского письма. Эта надпись сделана полукурсивом.

Еще один вопрос – сокол, несомненно, прилетел из самого сердца великой пустыни. Даже стервятники не могут пролететь над Обителью Пустоты, где нет никакой жизни. Еще менее вероятно, что сокол прилетел издалека и пересек всю пустыню. Самум захватил сокола где-то далеко от развалин, в середине обширного, не нанесенного на карты океана песка.

Другой вопрос – в послании-мольбе говорится об Иреме и о Чаше Ваала, но что еще значительней, автор надписи Истара называет себя «богиней-жрицей». Такое сходство с надписями в разрушенном дворце не может быть простым совпадением. К тому же еще эта арабская легенда о Саде Ирема...

Неожиданно О'Брайен понял. Далеко в пустыне, веками отрезанный от всего мира, по-прежнему существует оазис, ставший основой легенды о рае Шеддада.

Название «Чаша Ваала» позволяет предположить, что такой оазис может существовать посредине страшного опустошения. Во все стороны – на север, юг, запад, восток – в кольцо прибрежных гор и ниже их уровня лежит «дехан», или пустыня. Во время сезона дождей большие прибрежные долины несут воды паводка в сухую центральную пустыню. И если в сердце этой сухой пустыни есть низкий бассейн или чаша, здесь могут подниматься воды из-под песка, возникнет плодородный оазис.

Воображение О'Брайена разыгралось. Он представил себе заросшее пальмами углубление в сердце песчаного океана – остров в Море Истории, с языческих времен отрезанный от остального мира. И его покрытое пылью лицо загорелось восторгом прирожденного искателя приключений. С ним самолет, способный на долгий перелет, и еще сокол. Он сможет использовать обоих.

Было просто связать крылья и ноги покорной птицы. Если сокол прилетел из Ирема, он приведет его прямо домой. Убедившись в том, что его гид надежно привязан, О'Брайен принялся тщательно проверять самолет и особенно двигатель.

Через час самолет был свободен от песка и пыли, и мотор работал размеренно. Работая, О'Брайен сытно поел, и теперь ничего не задерживало его старт в неизвестное. Он посадил сокола в сидение перед собой и надел шлем с большими темными очками, чтобы защитить глаза в пыльном воздухе. Мгновение – и пропеллер завертелся.

Еще несколько ярдов колеса шасси тяжело вязли в песке, но наконец крылья подняли самолет в воздух. Он быстро поднимался и скоро был уже над облаком пыли и песка, все еще висевшем над пустыней как следствие самума.

Сокол, испуганный ревом мотора, дрожал и вел себя тревожно. Как только О'Брайен снял покров с ее головы, птица расправила помятые бурей крылья и поднялась в воздух. Взлетев, она широкими кругом облетела самолет. После второго круга сокол сориентировался. Его круговой полет стал прямой линией, и птица, как стрела, полетела в сердце огромной пустыни. О'Брайен был доволен. Сокол отвернулся от всех известных плодородных земель, он устремился в неизвестное. Американец решительно улыбнулся и полетел вслед за птицей.

Но как ни быстро летел самолет, О'Брайен вскоре обнаружил, что отстает. Однако гид летел по прямой линии, и этого было достаточно, чтобы проложить курс. Летчик по компасу проверял и перепроверял направление, пока черная точка, в которую превратился сокол, не исчезла в пурпурной дымке пыли.

С высоты почти ровная поверхность пустыни казалась огромным мелким бассейном. Изредка из песка выступали окаймленные черным вулканические кратеры, полные беловатого порошка, или одинокие хребты, поднимающиеся над обширными песчаными волнами. Однажды О'Брайену показалось, что он видит древние руины, почти погруженные в песок, но они были далеко слева, и он не был уверен.

К концу третьего часа полета солнце начало клониться к западному горизонту. О'Брайен решил садиться на ночь. Если он продолжит полет в темноте, может пролететь на несколько миль мимо или вообще не заметить большой зеленый оазис и затеряться в пустыне. Когда садящееся солнце через туманную дымку стало казаться ярко-красным, летчик неохотно начал пологий спуск.

Закат был невероятно ярким. Лучи красного света прорывались сквозь пыльную дымку, как потоки расплавленной лавы. И далеко впереди какой-то предмет сверкнул необычным светом гораздо ярче окружающего песка. О'Брайен снова поднял нос самолета и увеличил скорость. Между закатом и ночной темнотой есть еще короткий период тропических сумерек.

Да, верно! Блеск превратился в отражение красных солнечных лучей от хребта белых гор. О'Брайен, охваченный возбуждением, смотрел вперед. Перед ним не низкий кряж и не ряд холмов, погребенных в песке, но самый настоящий горный хребет.

Блеск совершенно неожиданно померк. Солнце село. Но быстро летящий самолет был уже достаточно близко, что пилот смог в угасающем свете разглядеть призрачные очертания белых горных вершин. Тьма охватила обширные пространства песка, но на вершинах еще задержались сумерки. О'Брайен с хладнокровной расчетливостью продолжал держаться курса. И вскоре под ним показались покрытые тенью ночи вершины.

Он летел к серым вершинам. Еще минута, и он стал осматриваться в поисках ровного места. Такое место показалось слева. О'Брайен на уменьшенной скорости сделал над ним круг, выбрал место для посадки и сел без происшествий на длинной полосе белого мрамора. И сразу выпрыгнул, чтобы привязать самолет к большому камню. Принимая эти предосторожности, он бросал любопытные взгляды вниз со склона горы. Но земля внизу уже была покрыта глубокой тьмой.

Убедившись, что самолет надежно привязан, О'Брайен снова забрался в кабину, чтобы поесть и отдохнуть после долгого напряженного полета. Не успел он кончить есть, как прилетел ночной ветер с далекого склона горы. Летчик радостно сделал глубокий вдох. Ветер не сухой и полный пыли, как в пустыне. Он чистый и слегка влажный – и в то же время насыщен удивительно сладкими ароматами.

Не нужно зрение, чтобы понять, что оазис рядом.

– Сад Ирема! – воскликнул он. – Сад Ирема – в Чаше Ваала! Ароматы благословенной Аравии! Неужели мне это снится?

Больше часа О'Брайен просидел неподвижно и напряженно, насторожив все чувства. Ночной ветерок усилился, стал сильным ветром снизу, из невидимого углубления на северо-востоке, из которого поднимались замечательные ароматы. Неожиданно далеко внизу в долине послышалось глубокое низкое рычание. О'Брайен схватился за рукоять своего длинноствольного автоматического пистолета. Такой рев может издавать только лев. Но если в долине есть лев, должна быть и крупная дичь.

Вскоре теплое и ароматное дыхание оазиса уступило холодному ветру с другой стороны гор, с быстро остывающих песков пустыни. О'Брайен плотней закутался в свой бедуинский плащ и лег на сидение, чтобы сохранить тепло.

Впервые со времени самума он подумал о человеческой стороне этого необычного послания, которое привело его в этот забытый сад прошлого. Какая она, эта Истара, называющая себя «богиней-жрицей»? И Тигра, другая жрица, от которой Истара просила у Ваала помощи? Две женщины, обе дочери народа, который, вне всяких сомнений, более двух тысяч лет отрезан от всего остального мира.

Длинная процессия образов прошла в его сознании – портреты мужчин и женщин, выгравированные на стенах разрушенного дворца в пустыне. Некоторые привлекательны, другие просто ужасны, но О'Брайен знал, что арабские женщины бывают очень красивы. И, естественно, представлял себе богиню-жрицу Истару как величественную и соблазнительно оча-

ровательную восточную красавицу. Имя «Тигра» намекало на тигрицу, и он представлял ее себе отвратительной и жестокой. А их народ, обитателей оазиса, он рисовал себе похожими на племена с прибрежных холмов, только еще поклоняющиеся Ваалу и другим богам древней Аравии.

Но даже эти фантазии и удивительные возможности, которые может принести следующий день, не смогли преодолеть напряжение и усталость последних двадцати четырех часов. Полночь застала искателя приключений спящим крепким сном, в котором он мог стать легкой добычей любого хищника снизу. Но в эту ночь никакой зверь не поднимался в поисках добычи на безжизненную вершину.

3. Зловещее приветствие

Незадолго до ложного рассвета его сон потревожил влажный холод тумана. О'Брайен сел, дрожа от влажного холодного тумана, который черным покровом накрыл небо, пустыню и горы. При свете фонарика летчик поел и подготовился к старту. Серость туманного ложного рассвета предупредила, что пора отвязывать якорную цепь. Потом тьма снова превратила туман в сплошной непроницаемый полог.

Наконец нетерпеливый путешественник увидел проблески истинного рассвета на востоке. Свет быстро усиливался, став вначале ярко-розовым, а потом пламенно-алым. Однако как ни хотелось Ларри О'Брайену побыстрее взлететь, он сидел, положив руки на приборы контроля. Хотя пылающие лучи уже окрасили мрамор вершин в розовый цвет, склоны гор и долина внизу еще лежат под покровом шерстяного одеяла влажного тумана.

Когда прямые солнечные лучи коснулись вершин, туман начал рассеиваться и катиться по склонам. Первые порывы ветра качнули самолет. О'Брайен включил двигатель. Самолет пробежал по ровному уступу и полетел вниз, как гигантский кондор. Бесстрашный авиатор выровнял самолет, прерывая падение. Он едва успел перевалить через противоположную сторону узкой долины и, предупрежденный такой близкой опасностью, поднялся выше в освещенный солнцем воздух, поджидая, пока туман рассеется. Когда солнце поднялось выше на далеком восточном горизонте, его лучи устремились вниз, в обширное углубление, или чашу, между окружающими горами, которые отрезают пустыню. Туман быстро поднялся и рассеялся, и стала видна земля под ним.

О'Брайен увидел полосу дикой неровной местности с крутыми безжизненными хребтами, вершинами и узкими долинами, некоторыми сухими и коричневыми, другими зелеными. Он спустился ниже к одной из зеленых долин. Вскоре снижение привело его к группе белых животных; пролетая, он понял, что это ориксы, или белые антилопы. По дну долины посреди густых зарослей деревьев и кустов, покрывавших все дно долины, вился узкий ручей.

При первом же повороте долины самолет пролетел вблизи известняковых утесов, стеной встававших справа. Поверхность беловатой каменной стены была усеяна темными отверстиями – входами в пещеры. Не успел О'Брайен обогнуть угол скалы, как увидел группу волосатых человеческих существ. На мгновение промелькнули коричневые фигуры, бросившиеся на землю в ужасе перед ревущим крылатым чудовищем, которое пронеслось над ними.

Одного взгляда было достаточно чтобы понять, что это дикари, очень отличающиеся от полувцивилизованных людей, которых он ожидал встретить в оазисе. Он повернул и полетел назад, чтобы рассмотреть дикарей получше. На расстоянии в пятьдесят ярдов последний испуганный обитатель гор бежал в пещеру. О'Брайен помахал ему белым платком и направился к карнизу перед пещерами. Но когда приближался к пещере, неровный угол утеса заставил его отвернуть. Самолет, делая поворот, наклонил левое крыло. В то же мгновение закутанный в шкуры дикарь выглянул из пещеры и со всей силой своей мускулистой руки метнул копье. Копье пролетело под поднятым крылом и пробило тонкий фюзеляж точно в том месте, где рана была бы смертельной, если бы машина была большой птицей.

Так же стремительно, как появился, свирепый пещерный человек исчез в отверстии пещеры. О'Брайен подготовил пистолет, но дикарь больше не показывался. Возвращение и стрельба будут только напрасной тратой боеприпасов и горючего. Гнев Ларри рассеялся так же быстро, как появился. Предательское нападение вполне могло быть вызвано страхом перед неизвестным. Жителям пещеры самолет может показаться огромной хищной птицей, чем-то вроде демона птицы рок, и О'Брайену совсем не хотелось знакомиться с этими волосатыми обитателями пещер. Это дикари, а совсем не полувцивилизованные люди, которых он ищет.

Мгновенно приняв решение, он поднялся над долиной. На северо-восток, за низким хребтом из известняка и песчаника поднимались черные горы, представляющие собой естественную преграду между внешним и внутренним оазисами. За ними таинственный Ирем, сад, чей аромат доносил до него вчера вечером ветер. А в Иреме может быть Истара, «богиня-жрица», и ее племя.

Миновав ближайший черный хребет, О'Брайен еще больше уверился в том, что находится за ним. Горы представляли собой сплошную дамбу из изверженных пород, преодолеть которую без крыльев как будто невозможно. Вершина этой грандиозной черной изгороди узкая. Как только самолет поднялся выше и оказался на уровне этой вершины, О'Брайен увидел лежащую за ней землю. Прежде всего показалась далекая противоположная стена оазиса. Черные внутренние склоны гор опускались в гигантский кратер. О'Брайен не ошибся. Перед ним настоящий оазис – тот самый сад, который он искал. Если вершины и верхние склоны круглых стен стерильны и пусты, нижние склоны и дно огромной ямы покрыты яркой зеленью. Только в центре массу листвы прерывает кольцо озера, окружающее остров. От озера расходятся извилистые серебряные ленты ручьев.

Перевалив через горный хребет, О'Брайен увидел, что стена из вулканических скал почти такой же высоты, как наружное кольцо, все еще отделяет его от удивительного кратера. Под ним и справа от него, там, где внутренняя стена встречается с наружной, вклинивается большая веерообразная долина, уходящая на север и северо-восток. Ручьи, бегущие с дальнего конца этой долины, сливаются в реку, которая исчезает в ущелье под узким хребтом, ограждающим сад в кратере.

По берегам реки, как бы обозначенные на топографической карте, видны очертания обработанных полей, извилистые серебряные нити ирригационных каналов и плоские крыши восточных домов, тесно прилепленных друг к другу внутри стены, окружающей деревню. Явное доказательство того, что люди здесь отличаются от жителей внешнего оазиса.

О'Брайен опустил нос самолета и начал планировать, направляясь в клинообразную долину. Прежде чем он снизился до тысячи футов, прямо под собой увидел на берегу реки большой белый объект. Еще один поворот опустил его настолько, что он смог ясно рассмотреть верхние этажи огромного круглого здания. Спиральный спуск привел его еще ближе, и он увидел, что это большое здание построено в форме усеченного конуса или мощной заостренной башни, похожей на древние храмы Ассирии и Вавилона, только это здание круглое, а не угловатое. Нижняя треть здания из черного камня, средняя – из красного песчаника, верхняя треть – из чистого белого мрамора. По спирали от основания к вершине ведет наклонная дорога, по которой вверх и вниз передвигаются люди, и по одиночке, и группами. На восточной стороне массивной белой крыши располагается постройка из пурпурного порфира с плоским шахматным покрытием из разноцветных камней.

Неожиданно О'Брайен услышал громкие звуки медных труб. Часовые заметили его самолет, кружащий в небе, как гигантский орел. В ответ на громкий сигнал тревоги по спиральной дороге к вершине большого здания начали подниматься воины. Солнце блестело на ярко-желтом металле оружия и доспехов.

На следующем повороте О'Брайен облетел верхнюю часть башни-города так близко, что сумел в подробностях рассмотреть ее защитников. Это были многочисленные воины, очень похожие на фигуры, изображенные на глиняных табличках Ассирии и на стенах самых древних арабских развалин. На них гротескные шлемы, и они вооружены луками и копьями. Некоторые размахивали бронзовыми мечами и боевыми топорами. Поверх черных и красных одеяний бронзовые доспехи.

На белой верхней платформе перед зданием с пурпурным верхом, как далекий гром, забили гигантские барабаны. Над ними вздымались звуки труб, резкие ноты боевых флейт и

дикие воинственные крики воинов. Вне всякого сомнения, эти жители города-башни – храбрые люди, а храбрые люди, как правило, не предатели.

Крыша верхнего здания пуста, и О'Брайен видел, что она достаточно велика для посадки. Он смело сделал круг и приземлился на крышу пурпурного здания. Под ним была шахматная доска из разноцветных камней, и он заметил в дальнем конце начало лестницы. Прежде всего он развернул самолет, чтобы он мог взлететь в любую минуту. Грохот и звон толпы на платформе внизу и вдоль всей спиральной дороги почти оглушил его. В любую минуту он ожидал, что через парашют полетят стрелы.

Никто из этих воинов не мог видеть за парашютом самолет и пилота. Может быть, поэтому никто не торопился нападать на предполагаемое чудовище. О'Брайен достал носовой платок и в знак мира помахал им через парашют. Сзади послышалось резкое шипение, и он обернулся. Один из воинов в доспехах стоял на верху лестницы и смотрел на него. За ним видны были другие, выставившие копья и размахивающие бронзовыми мечами и боевыми топорами. О'Брайен сделал шаг им навстречу, продолжая махать платком. Воины зашипели и немного приблизились к нему, причем их воинственное враждебное отношение не менялось.

О'Брайен продолжал махать платком, но напряженность ситуации заставила забыть, что он в летном шлеме с огромными очками, его лицо полностью закрыто. Он не мог понять, что в глазах воинов он выглядит чудовищем с черной безволосой головой и огромными блестящими глазами. Для них этот необычный посетитель в их изолированной пустыне должен казаться злым джинном, а его крылатый воздушный конь – гигантской птицей-рок. Под большими квадратными глазами шлема дружеская улыбка нижней белой половины лица казалась издевательством. И вполне вероятно, его жест воины приняли за злое заклинание.

С диким криком их предводитель неожиданно побежал по крыше, высоко поднимая в правой руке боевой топор. О'Брайен продолжал размахивать флагом мира, но одновременно достал пистолет. Воин бежал к нему, как свирепый волк. Между квадратной завитой черной бородой и лицевой пластиной рогатого шлема на чудовище смотрели с бледного семитского лица черные глаза, полные ужаса, но одновременно ярости. Когда воин был уже в двадцати шагах, О'Брайен понял, что должен защищаться. Он помахал, заставляя нападающего остановиться. Единственным ответом было резкое шипение. Еще несколько шагов, и тот будет на расстоянии удара.

Воин взмахнул топором, и О'Брайен выстрелил. Пуля попала в плоский центр головки топора и ударила с такой силой, что топор вырвался из рук воина и полетел назад. Одновременно все собравшиеся внизу слышали резкий звук выстрела.

Нападающий резко остановился и низко поклонился, словно ожидал получить второй удар из волшебной трубки джинна. Остальные воины тоже поклонились, хотя и не так низко. У них нашлись силы, чтобы умоляюще воззвать к злему призраку. Их речь показалась О'Брайену своеобразным диалектом арабского языка. Он ответил арабским приветствием «Салам алейкум!»

Но воины либо не поняли его, либо слишком боялись чудовища, чтобы поверить ему. Обезоруженный воин отполз на несколько шагов назад и бегом вернулся к своим товарищам.

Разочарованный, но еще не вполне обескураженный, О'Брайен подошел к топору и поднял его. Оказалось, что это хорошо уравновешенное оружие с удобной рукоятью. Бронзовая головка топора была такой прочной, что не треснула, в ней даже не было вмятины от пули. Несколько удивленный этим, он ударил топором по блоку из песочника, который разделял два цветных квадрата на шахматной крыше. Лезвие разрубило камень, как зубило каменщика.

В нескольких ярдах за тем местом, куда упал топор, над уровнем крыши поднималось невысокое медное ограждение. Американец подошел и заглянул в воронкообразное отверстие за ограждением. И стоял, глядя вниз. На дне медной воронки размещался огромный овальный

глаз из белого кварца, с радужной оболочкой из зеленого турмалина и выпуклым зрачком, сделанным из единого кристалла горного хрусталя в фут в поперечнике.

4. Волшебство

О'Брайен смотрел на загадочный глаз в крыше, пока не заметил, что шум возбужденной толпы внизу начал стихать. Осмотревшись, он заметил тонкую струйку дыма, поднимающуюся с лестницы, и подумал, не разожгли ли пришедшие в отчаяние воины костер, чтобы прогнать его.

С лестницы послышалось низкое гудящее пение, и О'Брайен отступил к самолету. Пение приближалось. Снова на верху лестницы появились вооруженные воины. Они шли колонной по трое, семь троек в глубину. За ними шли три женщины, несущие урны с горящей миррой. Женщины были в ярко-желтых платьях с алыми и черными лентами, и у каждой на голове плюмаж в виде африканской гадюки. Отвратительные головы рептилий с раскрытыми пастьми поднимались над лбом жриц. За этими носительницами фимиама шли еще семь рядов воинов по три человека в ряду. Дальше два мечника в черных одеяниях вели черного козла. Наконец появилась величественная молодая женщина, чей шлем был украшен драгоценными камнями и чья высокомерная поза свидетельствовала, что она глава всех присутствующих. Ее алое платье и кривая сабля тоже были украшены драгоценными камнями. Продолжая петь, воины выстроились кругом, в центре которого находились женщины и козел, а женщина в алом подняла меч, приветствуя солнце. Пение мгновенно смолкло. Мечники вывели из круга козла и подвели к О'Брайену. Вслед за ними подошла главная женщина и левой рукой коснулась головы козла. Хотя воины отпустили козла, он стоял неподвижно, как камень.

Размахивая дымящимися урнами с фимиамом, женщины змеи подошли к козлу и начали печальную песню. Их величественная предводительница, высоко подняв в правой руке меч, обошла их по кругу. Повернувшись и проделала тот же путь назад, на этот раз держа меч в левой руке. Наконец она снова повернулась и направилась к центру, ведя за собой по крыше острие меча. И там, где меч касался крыши, О'Брайен видел – или ему показалось, что он видит, – огненную зеленую линию, хорошо заметную даже при ярком свете солнца. Американец догадался о смысле происходящего. Не изгнав его силой, его пытаются изгнать магическими ритуалами.

Ларри О'Брайен с любопытством смотрел на них. Сиринг рассказывал ему об огненном круге и других гипнотических хитростях востока, но сам он впервые видел такое колдовство. Когда жрица заканчивала свой огненный круг, О'Брайен достал портативный фотоаппарат и сделал снимок. Круг зеленого огня казался таким же реальным, как солнечный свет, но О'Брайен знал, что на фотографии его не будет. Это гипнотическая иллюзия.

Однако не было никаких сомнений в том, что волшебница и ее помощники очень серьезны. При виде странного одноглазого объекта в руках джинна, воины и женщины-змеи угрожающе зашипели и немного отшатнулись, как будто боялись, что он поразит их своей демонской силой. Однако их величественная предводительница повернулась внутри магического огненного круга и, вызываясь подняв меч, остановилась перед гостем-демоном. Как ни угрожающе была поза женщины, О'Брайена восхитила ее красота. Совершенный овал ее лица был кремово-белым, как у знатной испанки. Полные, соблазнительно изогнутые губы алые, как цветок гранатового дерева, а изгиб аристократического носа говорил о гордости и силе воли. Ее большие черные, овальные глаза были полны огня, страсти и восточной неги. Завитка ее пышных черных, как гагат, волос из-под шлема сверкали синеватым оттенком воронова крыла.

Ни восхищение ее величественной красотой, ни явно проявленное желание дружбы не произвели впечатления на эту женщину. Она видела в нем только зло, джинна с черной безволосой головой, с чудовищными квадратными глазами, который принес в ее землю неведомое зло. О'Брайен готовился сделать второй снимок, когда женщина остановилась у неподвижного черного козла, высоко подняв саблю. Женщины-змеи закричали, как будто им что-то угрожало.

Произнося какое-то заклинание, жрица опустила саблю на шею козла. Животное упало, как камень, а его убийца запела. О'Брайен ждал с поднятым фотоаппаратом.

Продолжая петь, колдунья схватила мертвого козла за рог. О'Брайен не верил своим глазам: козел поднял голову, встал и пошел к нему, выставив вперед рога. Из раны на его шее шел алый туман, и сквозь этот туман воины и колдунья казались огромными и богоподобными. Женщины – змеи медленно преобразились в чудовищных гадюк; они, дергаясь, начали двигаться вперед, и из их клыков капал яд.

О'Брайен услышал звонкий металлический щелчок. Он невольно нажал на затвор аппарата, и этот звук нарушил гипнотическое очарование, охватившее его. В его затуманенном сознании промелькнула мысль: то, что он видит, не отразится на снимке, значит, оно не может быть реально.

Кошмарная иллюзия перед его глазами рассеялась, как яркий цветной сон в момент пробуждения. Красный туман растворился и исчез. Исчезли боги и чудовища-змеи, исчез даже иллюзорный огненный круг. Величественная жрица стояла рядом с мертвым козлом, а за ней женщины-змеи и воины.

О'Брайен вспотел. Реакция на исчезновение галлюцинаций была такой неожиданной и сильной, что он разразился смехом.

– Привет от колдуньи, верно? – вслух спросил он.

Его смех и непонятные слова заставили всю группу отступить – всех, кроме величественной женщины. Она на мгновение замолчала, потом тихо позвала, не отрывая от него взгляда. Два мечника в черных одеяниях отступили и бросились вниз по лестнице. Колдунья посмотрела на солнце и начала чистым, похожим на звон колокольчиков голосом песню во славу Ваала.

О'Брайен приготовился сделать третий снимок, в то же время отступая к самолету. Мечники могли уйти за подкреплением. Американец готов был прыгнуть в кабину, если появится толпа копьеносцев и лучников. В то же время он напрягал ум, пытаясь найти способ доказать этим суеверным людям свое дружелюбие. Ему не приходило в голову, что его враждебность объясняется его летным шлемом. Его слишком занимала колдунья и ее приближенные, чтобы он вспомнил, что носит капюшон с летными очками.

Прошло несколько минут, жрица продолжала обращаться к Ваалу. Наконец над уровнем крыши показались головы двух вернувшихся мечников. Они торопливо поднялись по лестнице, таща между собой стройную молодую девушку. Она в простом платье из белого льна с голубой оборкой, ее черные блестящие волосы опускаются спутанными прядями ниже колен. На лбу у нее золотая лента; впереди солнечный взрыв больших рубинов на полумесяце из не менее великолепных сапфиров.

О'Брайен задумался о взаимоотношениях этой девушки и колдуньи и неожиданно понял. Рубиновое солнце символизирует Ваала, бога дня; сапфировый полумесяц – знак Иштар, богини Луны. Носительница этой короны не кто иная, как Истара, чье послание-молитву Ваалу он снял с ноги сокола. А если она Истара, то колдунья – ее враг, которого она опасалась, Тигра, жрица «Обитателя Ирема».

Девушка не менее прекрасна, чем величественная волшебница, но скорее похожа на испуганную юную принцессу, чем на «богиню-жрицу». Стражники быстро протаскили ее вперед, мимо воинов с топорами и трех женщин-змей. Колдунья повернулась и подняла изогнутый кинжал. С умоляющим возгласом девушка опустилась на колени и схватилась за подол алого облачения колдуньи. Та издала резкий приказ и снова протянула кинжал. Дрожащими руками девушка взяла его и встала. Хотя она едва могла стоять, но подчинилась властному жесту и направилась к незнакомцу. Шаг за шагом приближалась она, дрожа от страха, но подталкиваемая мощной волей колдуньи.

О'Брайен в замешательстве смотрел на нее. Неужели колдунья думает прогнать его с помощью этой испуганной девушки? Она задумала какую-то непонятную хитрость? Самой

девушки ему, несомненно, бояться нечего. Ее изящная фигура дрожит от страха, милое лицо искажено ужасом, оно белое, как мрамор. Даже губы потеряли цвет.

Когда она подошла ближе, О'Брайен увидел, что у нее карие глаза, хотя их зрачки так сильно расширились от страха, что кажутся черными. Он с удивлением наблюдал, как она заставляет себя подойти. Невозможно бояться этой нежной маленькой руки, которая едва способна держать кинжал. О'Брайен опасливо посмотрел на группу, ждущую за девушкой. На него не нападали. Напротив, все напряженно и выжидающе смотрели на девушку.

Она оказалась в нескольких футах от летчика. О'Брайен убрал фотоаппарат в карман и сказал по-арабски:

– Салам алейкум!

Невозможно было не понять дружелюбности его тона. Страх в глазах девушки уменьшился. Казалось, она поняла его приветствие. Но когда он сделал к ней шаг, ее благоговение и страх вернулись. Дрожащие ноги не удержали ее. Она опустилась на колени и умоляюще посмотрела на солнце; ее губы зашевелились в бессловесной молитве. О'Брайен остановился.

Через несколько мгновений молитва как будто придала девушке сил. С крайними усилиями она встала и снова двинулась вперед. И вот она уже на расстоянии протянутой руки от ужасного джинна и его блестящих чудовищных глаз. Она издала нечленораздельный крик и протянула кинжал рукоятью вперед. В замешательстве О'Брайен взял оружие из дрожащих пальцев. Девушка с трудом оторвала взгляд от его страшных глаз и посмотрела на солнце. Ее ужас сменился прекрасной улыбкой мученицы.

– Ваал, смотри! – сказала она. – Твоя жрица умирает, чтобы спасти свой народ. Отомсти за меня этому демону, уничтожь его и спаси землю от зла!

Продолжая улыбаться, она распахнула платье и предложила круглое белое горло кинжалу в руке О'Брайена. Лицо ее, больше не искаженное ужасом, светилось мягкой и чистой красотой. Ларри О'Брайен долго смотрел на нее, не понимая значения ее поступка. Потом до него дошло. Ее вынудили предложить себя в качестве человеческой жертвы. Она дала ему кинжал и обнажила горло, ожидая, что он нанесет удар.

Когда О'Брайен понял, с какой жестокостью обошлись с этой девушкой, кровь бросилась ему в голову. Гнев победил осторожность. Вряд ли один из тысячи человек смог бы избежать стремительно летящего кинжала, но колдунья отпрыгнула в сторону с быстрой гибкостью пантеры. Кинжал полетел мимо ее головы и ударился об отвратительный змеиный плюмаж женщины-змеи.

Воины в страхе закричали, но бросились вперед, чтобы отгородить женщин от джинна. Убежденный, что сейчас они на него нападут, американец повернулся и бросился к самолету. Прыгнув в сидение, он повернул рычаг, включающий мотор.

Последовательность взрывных звуков сменилась ревом мотора, когда завертелся пропеллер. Самолет покатился вперед. О'Брайен посмотрел вниз и увидел, что девушка упала в обморок. Она лежала без сознания прямо на пути колес, и у него на глазах правое крыло пронеслось над ней.

Испуганные ревом двигателя, который должен был им казаться воинственным криком грозной птицы, воины расступились, пропуская самолет. Но несколько самых смелых из них подняли топоры. Самолет двигался справа от них, но их враждебное поведение заставило О'Брайена направить машину прямо на них.

Воины смотрели на набирающий скорость самолет. Окаменев от ужаса, они увидели, как он поднимается на крышу, словно собирается наброситься на них. Даже самые смелые упали ниц, побежденные страхом. Женщины-змеи уже покорно лежали. Одна гордая колдунья преодолела ужас, охвативший ее последователей. И хоть смотрела со страхом на летающее чудовище, распрямилась и взмахнула саблей.

О'Брайен понял, что должен ответить на вызов, и двинулся прямо на отчаянную амазонку. Самолет пролетел над лежащими воинами и устремился на бросившую ему вызов. Как он ни быстро поднимался, все равно ударит ее, если она будет продолжать стоять.

Но хоть женщина-воин крепче сжала рукоять сабли, она почувствовала приближение смерти. И бросилась вниз и назад, изогнув свое гибкое тело.

Тигра лежала на крыше, ее властная гордость отступила перед страшным джинном, крылатый конь которого пролетел над ней, обдав сильным потоком воздуха.

5. Возвышенная роль

Когда самолет перелетел через парашют, снизу его встретили многочисленные насмешливые крики. Жители этого огромного человеческого муравейника решили, что джинн бежит от магии колдуньи. И это крики лишь разогрели кельтский характер Ларри О'Брайена.

– Смеетесь? – проворчал он сквозь стиснутые зубы. – Думаете, заставили меня бежать? Ну, хорошо, подождите и увидите!

Говоря это, он вел самолет одной рукой, а второй закреплял ремень. Крики из города-башни зазвучали громче, когда самолет устремился в небо. О'Брайен выпятил подбородок, и за большими очками его глаза из голубых стали черными. Он взялся за ручки управления и опустил нос моноплана. Самолет в страшном пике полетел прямо к земле.

Неожиданно толпы замолчали. Вместо того чтобы бежать, страшный джинн поднялся в небо и оттуда напал, как сокол на стаю перепелок. Все застыли и молча смотрели на опускающееся чудовище. Еще мгновение, и оно ударит в середину воинов на мраморной платформе. В гневе О'Брайен держался до последней доли секунды. Когда он вниз головой пролетел над белой платформой, его перевернутая голова оказалась ниже парашюта пурпурного здания. Он перевалил через дальнюю сторону здания и вертикально начал пониматься в небо, закончив совершенную петлю.

– Нечего сказать? – яростно крикнул пилот и резко повернул самолет над крышей пурпурного здания. Женщины-змеи исчезли, тогда как воины и их предводительница колдунья отползли к началу лестницы. Но невооруженный молодой человек в белом одеянии с синей обложкой бежал туда, где в обмороке лежала девушка с каштановыми волосами.

О'Брайен был уверен, что заставил спрятавшихся людей дважды подумать, прежде чем снова проявлять враждебность, он отстегнулся и достал из шкафчика фляжку с водой. Наклонившись, он ощутил, как ему жарко и душно в шлеме. Рывком снял шлем с головы. Выпрямившись, О'Брайен поднялся на крыло и провел пальцами по влажным рыжим волосам.

Наблюдатели на лестнице удивленно закричали. Держа фляжку в руке, О'Брайен спрыгнул на крышу и достал пистолет, решив помочь лежащей в обмороке девушке. Если воины или колдунья решат ему помешать, тем хуже для них. Они начали приближаться, но он отвернулся от них и небрежно зашагал, демонстрируя свою беззаботность. Безоружный молодой человек растирал запястья девушки, и нежно и сочувственно смотрел на ее бледное лицо. Когда О'Брайен подошел, молодой человек бросил на него взгляд, одновременно спокойный и полный мольбы.

– Приветствую тебя, повелитель воздуха! – произнес он на арабском языке с необычным акцентом. – Если ты Ваал – или другое незлое существо, – смилуйся над этой девушкой, жрицей Ваала и Иштар! Я, Эдриси, шейх Бени Ад, умоляю о помощи.

– Хорошо, Эд, – ответил О'Брайен, сокращая имя шейха. – Попытаемся привести ее в чувства. – На арабском он добавил: – Подними руку девушки над ее головой, когда вдыхаешь, и опусти, когда выдыхаешь.

Молодой шейх смотрел на О'Брайена, пока тот сам не показал, как нужно делать. Темное лицо Эдриси осветилась: он понял. И начал поднимать и опускать руки девушки, как показал О'Брайен. Через несколько мгновений бледные губы девушки порозовели. Ее веки дрогнули и поднялись. Летчик отвернул крышку фляжки и брызнул несколько капель воды на лоб приходящей в себя девушки. Они широко раскрытыми глазами удивленно и благоговейно смотрела на него.

Слева от О'Брайена раздалось звучное приветствие:

– Ваал! Ваал! Ваал! Повелитель дня! Бог внешней чаши! Повелитель воздуха!

Колдунья и ее воины подошли на несколько шагов. Мужчины протянули О'Брайену свое оружие и низко поклонились, а их предводительница произносила приветствие.

В живом сознании американца возникло воспоминание о том, как ацтеки и инки по ошибке приняли испанских солдат Кортеса и Пизарро за богов. Может ли он сыграть такую же роль? «Весь мир – театр». Он исполнял самые человеческие роли – от нищего до цыганского принца. Сейчас есть возможность сыграть роль языческого бога. Но он подумал, что придется убрать улыбку. Бог должен выглядеть серьезно и торжественно. Стоит ли игра свеч?

Глубокий дрожащий вздох заставил его снова посмотреть на девушку. Повернувшись, он заметил, что Эдриси очень внимательно смотрит на его лицо. Но его внимание привлекли бледные щеки Истары. Прекрасные карие глаза девушки были полны ужаса, когда она смотрела на соблазнительное лицо колдуньи. Мысленно О'Брайен снова представил себе, как эта маленькая жрица стоит перед ним, обнажив горло, и ждет удара кинжала.

– Подбодришь, Тара, душечка, – сказал он по-английски. – Если дама трэф старше дамы червей и всех валетов в колоде, король может быть слишком мелкой картой. Я сыграю джокера, и мне известны все трюки.

Эдриси поднимал голову девушки, и О'Брайен помогал ей встать. Она посмотрела прямо в его голубые глаза и робко положила маленькую руку ему на ладонь. Увидев это, колдунья недовольно зашипела, и испуганная девушка сразу отняла руку.

О'Брайен распрямился и агрессивно шагнул к ним, его пламенные волосы сверкали на солнце, голубые глаза потемнели от гнева. Перед его гневом воины и колдунья склонились так низко, что головой касались пола.

– Ваал! – приглушенно произносили они. – Ваал, повелитель воздуха!

О'Брайен презрительно отвернулся от них, намереваясь поставить девушку на ноги. Но обнаружил, что опоздал, потому что Эдриси уже помог жрице встать. Она стояла рядом с шейхом, скромно опустив глаза, бело-кремовые щеки порозовели. В полускрытом взгляде ее спутника американец обнаружил оттенок негодования и тревоги.

– Эге, похоже я встал в его сандалии, – прокомментировал повелитель воздуха. – Прости, Эд, но здесь я инспектор манежа и буду вести этот цирк по-своему.

Во время обморока корона с солнцем и луной упала с головы девушки. О'Брайен жестом велел Эдриси поднять ее, и шейх охотно и быстро повиновался, передав тонкую золотую ленту в руки летчику. Постаравшись изобразить торжественную благожелательность, О'Брайен одел корону на полусклоненную голову ее обладательницы. Девушка грациозно поклонилась и поблагодарила за его доброту.

– Повелитель воздуха! Милостивый Ваал! Защитник беспомощных! Твои уши открыты к молитвам твоей жрицы Истары!

О'Брайен достал из кармана медную полоску, которую снял с ноги сокола в развалинах дворца в пустыне. Повелительным жестом он показал послание скрытно недовольной колдунье.

– Смотри! – произнес он. – Далеко в Обители Пустоты, среди вихрей самума, сокол прилетел ко мне с молитвой Истары. В ответ на ее молитву я явился в Чашу. Истара больше не будет угнетена. Я сказал.

– Ваал, великий Ваал сказал! – покорно произнесла колдунья. – Все склоняют колени перед повелителем воздуха. Его воля – воля его служанки Тигры, султанши ваалитов.

– Я так и думал, – про себя заметил О'Брайен. – Она царица, эта Тигра, султанша ваалитов и жрица Обитателя Ирема, врага Ваала. Думаю, я приму покорность этой дамы с щепоткой соли.

Султанша распрямлялась от поклона, в котором концами своего изумрудного плюмажа коснулась земли у ног О'Брайена. Распрямляясь, она посмотрела ему в голубые глаза. Он заметил, что она моложе, чем ему вначале показалось. На Востоке девушки рано расцветают. Сул-

танше едва миновал двадцатый год. Лицом к лицу с ее царственной красотой, с очарованием ее гибкой фигуры, О'Брайен быстро забыл собственное предупреждение. Благоговейный страх султанши не уменьшил величественности ее наружности и осанки и нежного огня ее огромных черных миндалевидных глаз. Их взгляд был как молодое вино, сладкое и крепкое. Не менее соблазнительны и полные алые губы.

Вздвигнув, О'Брайен понял, что, если будет продолжать смотреть, его покорит опьяняющее волшебство красоты султанши. Она не смогла одолеть его своим колдовством, но соблазн ее красоты и привлекательности тоньше, сильнее и опасней. Она прошептала мягкое приглашение повелителю воздуха спуститься в его храм. О'Брайен искоса взглянул на Истару и Эдриси; их взгляды свидетельствовали, что они ожидают его согласия.

Фляжка в руке заставила его вспомнить о самолете. Он знаком велел ваалитам подождать. Поместив фляжку в шкафчик, он закрепил колеса и вспомнил о волшебном огненном круге Тигры. У него возникла идея, как защитить самолет собственной магией. Забравшись в самолет, он, не видный почтительно наблюдавшим ваалитам, заполнил бензином фляжку, которую опустошил в пустынном дворце. Намеренно демонстрируя свои действия, он глотнул из второй фляжки, потом незаметно заменил ее на первую и выбрался из самолета. Торжественно обошел самолет, останавливаясь на всех сторонах света и делая волшебные знаки и отталкивающие жесты. Снова обошел машину, на этот раз двигаясь быстро и выливая бензин из фляжки. Когда круг замкнулся, он вышел из него, поднял руки к солнцу и опустил их. Под пальцами его скрывалась зажигалка для сигар, ее вспышка подожгла бензин. Вправо и влево побежало бледное пламя, кольцом обхватив самолет.

Тигра и ее воины удивленно и испуганно вскрикнули при этом двойном доказательстве его божественной силы. Они видели, как он пил, а потом проливал жидкость. Либо он пил жидкий огонь, либо заставлял гореть воду. Другого объяснения его колдовства они не видели. Чтобы доказать, что его огонь не иллюзия, О'Брайен поднес к огню свой носовой платок и показал его, обожженный и дымящийся.

Воины и величественная султанша низко склонились в благоговейном удивлении перед его почерневшим, обожженным платком. Но О'Брайена удивило поведение мягкой Истары и ее спутника. Девушка отшатнулась от него, как будто его обращение к колдовству связало его с ее угнетательницей Тигрой. Взгляд Эдриси свидетельствовал о таком же подозрении. Однако шейх не отшатнулся. Напротив, он продолжал внимательно и почти скептически наблюдать за повелителем воздуха, и его взгляд слегка обескураживал.

– Значит, тебе тоже нужно кое-что показать, – сказал О'Брайен – не по-арабски.

Он протянул платок, и молодой шейх поклонился со всеми проявлениями почтительного страха. В то же время он незаметно коснулся тлеющего края платка, чтобы убедиться, что горящая красная линия – настоящий огонь. Отдернув обожженные пальцы, он в замешательстве посмотрел на жесткое красно-белое лицо повелителя воздуха. И неудержимый импульс заставил Ларри О'Брайена слегка подмигнуть.

Шейх Бени Ад недоуменно смотрел на эту загадочную гримасу, а съежившаяся Истара еще дальше отодвинулась. Однако султанша и ее воины видели только серьезную часть лица «Ваала».

Снова прозвучал соблазнительный голос колдуньи, приглашая его спуститься в его храм. Медовая привлекательность ее улыбки, когда он к ней повернулся, заставляла его показать взглядом, что он согласен. Султанша проворно воспользовалась легким указанием «Ваала» на ее преимущество и встала по правую руку от него. Тигра заняла почетное место. При таком повороте событий любой мужчина оказывался в неудобном положении. О'Брайен не мог прогнать улыбающуюся султаншу, ему оставалось только смириться и пригласить Истару идти слева от себя.

Перед ним шли воины, за ним нахмурившийся остроглазый шейх – в такой процессии повелитель воздуха пересек крышу и подошел к лестнице; справа от него шла властная, возбужденная и соблазнительная Тигра, слева – полусъездившаяся Истара. Внешне О’Брайен сохранял торжественную невозмутимость. Внутренне он горел от любопытства: что еще он сейчас увидит, и что случится дальше.

У начала лестницы он оглянулся мимо странной медной воронки с большим глазом и увидел, что одетые в черное жрецы несут к парапету жертвенного черного козла. У него на глазах тушу бросили вниз, в толпу на мраморной платформе.

6. Солнечный глаз

Широкие ступени из пурпурного порфира, обрамленного полированным ониксом, позволяли даже богу спускаться с большим достоинством. О'Брайен галантно держал в правой руке стальные пальцы Тигры, а в левой – дрожащую маленькую руку Истары.

– Джокер и две дамы бьют любого валета в колоде, – заметил про себя О'Брайен.

В своем стремлении к торжественности он не забыл улыбнуться Истаре. Согнувшаяся девушка распрямилась и ответила улыбкой, словно под лучами солнца раскрылся закрывшийся на ночь цветок. Рука Тигры напряглась и попыталась вырваться. Но О'Брайен повернулся и наградил гордую султаншу своей улыбкой; ее недовольство исчезло во взгляде восхитительной сладости.

У основания лестницы массивная бронзовая дверь открылась в пурпурное помещение, которое освещалось через прозрачные плиты гипса на потолке. Величественное помещение было убрано шелковыми коврами, многоцветными, как поднос с драгоценностями. Диваны усыпаны роскошными подушками; гобелены еще прекрасней ковров, множество предметов из нефрита и хрусталя, и бронзовые статуи, напоминающие о Египте и Ассирии.

Вторая бронзовая дверь вела в не менее роскошно убранные покои. Здесь их встретили три жреца, чьи квадратные завитые бороды напоминали бороды правителей на барельефах древней Ассирии. Их тиары и черные одеяния были разукрашены сложными драгоценными символами, которые О'Брайен принял за знаки преклонения перед змеями и демонами. Один из жрецов нес вышитое золотом одеяние белого и алого цвета. Другой держал пояс из сердолика, а также воротник и нагрудную плиту из золотого камня – авантюрина. Третий высоко поднимал поднос с золотой тиарой, или тройной короной, усаженной рубинами.

Жрецы низко поклонились рыжеволосому богу и в поисках указаний посмотрели на султаншу. Прежде чем она смогла заговорить, Эдриси прошел вперед и что-то прошептал на ухо Истаре. Девушка распрямилась и с властью принцессы сделала жест жрецам. Те с открытым изумлением смотрели на нее, и Тигра гневно нахмурилась. Истара посмотрела на О'Брайена и в его одобрительном взгляде нашла новые силы.

– Отступите, слуги злого Обитателя! – приказала она. – Здесь приказываю я, жрица Ваала и Иштар. Повелителю воздуха будут служить его собственные слуги. Эдриси, шейх Бени Ад, представит Ваалу священные одеяния и украшения.

Повелительный жест О'Брайена прервал попытку вмешательства Тигры. Султанша с высокомерной скромностью поклонилась и сделала знак жрецам, а О'Брайен взглянул на молодого шейха.

– Действуй, Эд, – сухо сказал он. – Ты затягиваешь игру.

Не было надобности переводить это замечание. С явным удовлетворением Эдриси вышел вперед и отобрал у раздосадованных жрецов их ношу. Когда повелитель воздуха облачился в одеяние Ваала, с поясом, воротником и нагрудником, сама Истара представила ему рубиновую тиару. О'Брайен взял у девушки корону, выпрямился во все свои шесть футов костей и мышц и поместил сверкающую драгоценность на свою высокую рыжую прическу помпадур.

– Отлично проделано, О'Брайен, потомок королей Ирландии! – прокомментировал он про себя. – «Теперь займемся похоронами. Веди нас, Макдуф. Мы двинемся, как и раньше, и слева пойдет Офелия, а справа – леди Макбет».

Взгляд и жест перевели это высказывание Ваала, произнесенное с торжественной пантомимой. Процессия двинулась дальше, и на этот раз перед повелителем воздуха шел Эдриси, а жрецы в черном следовали за ним.

Эдриси провел по коридору из пурпурного порфира, и скоро О'Брайен услышал гул большой толпы. За вторым поворотом коридора шейх остановился у входа в боковой стене и низко

поклонился, а повелитель воздуха и его сопровождающие прошли дальше. Сопровождаемый с обеих сторон жрицами, прекрасными, но абсолютно не похожими друг на друга, – О’Брайен под оглушительный рев бронзовых труб прошел под арку.

Один взгляд показал ему, что он стоит на помосте из красного песчаника в начале длинного зала. Каждый фут пространства под помостом забит мужчинами и женщинами, чьи черные волосы и оливкового цвета лица резко контрастировали с красными одеяниями. Над головами толпы многочисленные гротескные столбы вздымались вверх, поддерживая плоскую крышу. Прикосновение мягких пальцев Истары заставило О’Брайена повернуть налево. По-прежнему между нею и Тигрой он поднялся по трем ступеням на второй помост. В передней части этой более высокой платформы находился продолговатый камень в ярд шириной и втрое больше длиной. Он лежал точно в направлении с востока на запад, и к его краям были прикреплены бронзовые цепи.

О’Брайен посмотрел вверх и прямо над черным камнем увидел большой хрустальный глаз, который заметил на дне медной воронки на крыше. Глаз располагался в середине синего треугольника, вписанного в красную семиконечную звезду. И вокруг всего этого круг солнца с яркими золотыми или бронзовыми лучами.

Негромкий звук с губ Истары заставил О’Брайена оторвать взгляд от эмблемы глаза и окружающих его фигур. Жрицы вели его к третьему помосту, из белого мрамора, возвышающемуся над вторым, между черным, похожим на алтарь камнем и ониксовой задней стеной храма. На белом помосте стояли три трона. В центре массивное, с навесом кресло из золотой бронзы, украшенное символом солнца из красного сердолика. Справа трон поменьше, изящный, из серебра и слоновой кости, увешанный сапфирами и лунным камнем. Слева, такой большой и громоздкий, что, казалось, он стремится вытеснить остальные троны, черный трон из сплошного камня. На его грубой поверхности смутные очертания ужасного дракона или змеи.

Ему не нужно было говорить, какое сидение его. Ваал, бог солнца, должен сидеть на солнечном троне. О’Брайен поднялся на белый помост и провел процессию к самому почетному месту. Сопровождающие его жрицы низко поклонились и сели. Истара – на лунный трон, Тигра – на зловеющий черный трон с драконом. Эдриси, словно по праву, тоже поднялся на помост и встал за Истарой.

Когда жрицы заняли свои места, гром труб сменился праздничной музыкой труб и маленьких барабанов. На нижнем помосте появилось множество девушек в белом, они несли урны с дымящимся ладаном. За ними три высших жреца в черном с некоторым сомнением начали подниматься на второй помост. Истара и Эдриси протестующее посмотрели на О’Брайена, но по знаку Тигры жрецы торопливо подошли к черному алтарю и запели похвальный гимн Ваалу. И тут же голоса тысяч поклоняющихся в зале были усилены многими тысячами на мраморной платформе и на склонах города-башни.

Когда стихли последние ноты оглушительного хора, Истара подняла руку. Девушки в белом сразу поднялись на самый высокий помост с тонкими белыми льняными полотенцами, серебряным тазом и водой с ароматом розы в золотых кувшинах. Таз наполнили до краев, и девушки поднесли его на коленях «Ваалу», чтобы он вымыл руки. Без намерения удивить их, он выдавил из тюбика немного мыльного порошка и намылил лицо и руки. Волшебное омовение вызвало у всех, кроме остроглазого шейха, гул удивления. А О’Брайен избавился от покрывавшего его слоя пыли и машинного масла.

Появилась длинная процессия девушек, она поднялась на второй помост с подносами, нагруженными разнообразной едой. Здесь были фиги и гранаты, необычные красные апельсины, финики, смешанные с маслом, мед в сотах, жареная дичь на шампурах, соленая саранча, пресный хлеб и десятки загадочных блюд. Истара встала и пригласила «Ваала» выбирать. Американец указал на жареного фазана. Согласно восточному обычаю, девушка жрица попробовала кусочек с груди птицы, чтобы показать, что она не отравлена. Потом поклонилась и предло-

жила блюдо О'Брайену. Не желая отставать, высокомерная Тигра попробовала и предложила другое блюдо, на котором одобрительно остановился взгляд высокого гостя.

О'Брайен взял по одному блюду от каждой жрицы, потом попросил их сесть и присоединиться к пиру. Тигра не меньше Истары обрадовалась этому снисходительному приглашению Ваала. Обе вернулись на свои троны и принялись по очереди пробовать блюда и вина, выбранные богом с огненной головой.

Напитки были почти столь же разнообразны, как блюда. О'Брайен пробовал их по очереди: козье молоко, свежее и перебродившее, виноградное вино, медовый напиток, приправленный розами, лимонный и гранатовый шербет и еще два сорта вина, одно слабое, другое очень крепкое; впоследствии он узнал, что это свежее и старое пальмовое вино. Пир длился больше часа, после чего по знаку Тигры появилась стайка девушек в черной и красной одежде. И пока полуголые девушки по-восточному раскачивались и принимали соблазнительные позы, звучали похвальные гимны повелителю воздуха.

Два часа пения и танцев наскучили американцу и изрядно его утомили, так что ему захотелось зевать. Новизна выветрилась. Ему хотелось сбежать от возбужденной толпы, чтобы отдохнуть и подумать. Сидеть на троне и играть роль бога совсем не так приятно, как он ожидал. Наконец стремление зевнуть победило его вежливость. Как ни быстро он поднес руку ко рту, чтобы спрятать зевок, бдительный взгляд Тигры уловил этот признак усталости. Она встала со своего громоздкого черного трона и величественным жестом прекратила танцы и пение. Ее звучное контральто прозвенело по всему залу с отчетливостью серебряного колокола.

– Достаточно пения и танцев! Пусть Ваалу преподнесут достойную жертву во имя Тигры, султанши ваалитов.

Истара привстала с трона, и с ее губ сорвался испуганный возглас. Она с ужасом протестующе наклонилась к О'Брайену. Эдриси что-то шептал на ухо девушке, очевидно, прося ее говорить. Но прежде чем она набралась смелости, чтобы выступить с протестом, три жреца в черном поднялись по проходу с нижнего помоста, неся на бронзовом подносе белого козла.

Мягкий ропот, звуки дыхания, негромкий гул толпы – все сразу сменилось мертвой тишиной. О'Брайен с интересом разглядывал козла. Эта жертвенная церемония может прояснить некоторые неясные пункты в археологических исследованиях Сиринга.

Истара увидела, что повелитель воздуха с интересом ждет церемонии. Его улыбка говорит о том, что он принимает жертву Тигры. Несмотря на настойчивый шепот Эдриси, девушка дрогнула и не смогла произнести слова, которые были у нее на устах. С дрожью она снова опустилась на свой трон из серебра и слоновой кости и закрыла глаза.

Жрецы в черном поднялись на второй помост и подняли поднос с козлом. О'Брайен видел, что животное чисто-белое, ни одного пятнышка другого цвета. У него на глазах Тигра отдала свистящий приказ. Жрецы опустили поднос и положили козла на черный каменный алтарь, под символическим глазом на потолке. Прочно привязав козла бронзовыми цепями, жрецы встали у конца алтаря и запели какую-то жуткую песню. Мягкий шелест сандалий отвлек внимание О'Брайена. Он посмотрел в сторону. С нижнего помоста поднимались девушки в белом с большими букетами алых роз и вставали за Истарой. Эдриси наклонился над девушкой, словно защищал и подбадривал съжившуюся маленькую жрицу. Она смотрела мимо него на черный алтарь, ее красивые глаза были широко раскрыты в жалости и ужасе. О'Брайен быстро повернулся, ожидая увидеть, как один из жрецов поднимет жертвенный нож.

Но никакого ножа не было. Три жреца пристально смотрели на яркую светлую точку, появившуюся на внутреннем крае алтаря. Точка медленно двигалась по камню к голове козла. Жуткое пение жрецов прекратилось. Внизу на открытой мраморной платформе низко и зловеще забил огромный барабан.

Не в состоянии понять, что все это значит, О'Брайен осмотрелся. И увидел, что все в храме выжидающе смотрят на алтарь. Лица трех жрецов стали лицами демонов. Американец

посмотрел направо. Взгляды девушек с розами были устремлены на алтарь, в них был ужас, но Истара прикрыла глаза руками.

Над головой склонившейся молодой жрицы Эдриси с сомнением и мольбой смотрел на О'Брайена. Американец посмотрел на прекрасную колдунью на черном троне слева от него. Алые губы султанши были искривлены в жестокой улыбке, которая наполовину обнажила ее крепкие белые зубы. В нечестивой радости взгляд ее полуночных глаз был устремлен на белого козла.

Болезненное блеяние заставило О'Брайена снова посмотреть на алтарь и на жертву. Он увидел, что козел изгибается, тщетно пытаясь отдалить голову от яркой точки. Струйка дыма поднялась от волос на голове животного в том месте, которого коснулась светлая точка. И О'Брайен вдруг понял, какой адской пытке подвергается жертва. Выгнутый хрустальный зрачок глаза над алтарем – это линза, большая обжигающая линза. Солнце сейчас на середине неба. Линза концентрирует его лучи на алтаре, где создается температура, как в печи для плавки металла.

Ни одного мгновения цивилизованный человек не может смотреть на такие мучения живого существа. Он не надеется спасти жертву. Несчастное животное прочно привязано. Чтобы его освободить, нужно время. Остается только одно. Не думая о последствиях, он выхватил пистолет и послал пулю в голову козла.

7. Ваал слушает

В закрытом зале выстрел из пистолета прозвучал, как из тяжелого ружья. Сотни испуганных верующих закричали, потом наступила мертвая тишина.

Жалобное бление козла прекратилось. Безжизненная жертва дымилась на черном алтаре под лучом ужасной линзы. Все было неподвижно и тихо. Прекратился даже низкий зловеющий бой большого барабана. Все мужчины и женщины в большом храме стояли окаменев, в страхе и изумлении глядя на повелителя воздуха.

О'Брайен встал, держа пистолет в руке, не отрывая гневного взгляда от жрецов в черном. А те упали на землю, умоляя повелителя воздуха не сжигать их своими молниями. Он с жестом отвращения показал на мертвого козла. Тигра наклонилась на троне и что-то гневно прошипела. Жрецы встали на колени, сняли цепи с горящего мертвого козла и сбросили его в алтаря. Когда обожженная туша исчезла, султанша склонилась к ногам О'Брайена.

– Повелитель молний! – сказала она. – Прости Тигру, предложившую жертву, неприятную твоему взгляду! Будь милосерден и не лишай ее света твоего лица!

Как ни очаровательно сладка эта мольба, О'Брайен ожесточился против этого соблазнительного, но жестокого существа. Он продолжал смотреть на яростную белую точку, которая продолжала ползти по черному алтарю. Не мог забыть выражения жестокой радости, с каким мрачно-прекрасная колдунья смотрела на боль жертвы.

– Мне неприятна любая жертва огня и крови, – заявил он голосом, который прокатился до конца зала.

От толпы поклоняющихся донесся звук, похожий на вздох ветра в древесной листве. Этот вздох говорил о крайнем изумлении. Жрецы в черном скорчились за алтарем. Тигра застыла в поклоне, ее угольно-черные глаза были полны досады.

С другой стороны О'Брайен услышал радостное голубиное воркование. Он посмотрел вниз и увидел обращенное к нему и полное восторга лицо Истары. Эдриси тоже радостно смотрел на повелителя воздуха, взгляд его был по-прежнему острым, но лишенным сомнения. Даже девушки с розами радостно улыбались, восторженно глядя на Ваала Милосердного.

– По крайней мере женщины проголосуют за меня, – про себя произнес рыжий американец. – А что касается остальных – что ж, думаю, они меня послушаются.

Ему хотелось повернулся спиной к Тигре: она вполне заслужила, чтобы ее оставили коленопреклоненной. Но горячий Ларри О'Брайен не мог огорчить женщину, тем более такую потрясающе красивую. Тигру нужно остановить, но не отбрасывать. Он сделал знак Истаре идти на почетном месте справа от него, потом поманил Тигру, показав ей жестом, чтобы она шла слева. Мягкая восторженная улыбка Истары и еле заметное колебание Тигры показали ему, каким сильным был эффект от его дипломатичного хода. Но догадливая султанша сумела скрыть ослабление своего положения. Собравшимся должно было показаться, что она идет слева от бога только потому, что ее трон слева от солнечного трона. И никогда ее походка не была такой уверенной и царственной.

Все трое спустились с верхнего и среднего помостов, Истара почти скрылась за роскошным просторным одеянием О'Брайена. А он сам составлял великолепный фон для величественной жрицы «Обитателя Ирема». Взгляд искоса показал, что, если султанша не оправилась полностью от удара, ей удалось ослабить его силу. А больше всего запоминается последнее впечатление. Тигра слева – но Тигра заметней всех.

Возвращаясь по пурпурному проходу, американец заглянул на две лестницы, открывавшиеся за бронзовыми дверьми. Первая – мрачный спуск из черного камня. Вторая украшена полудрагоценными камнями, и ее ступени из пурпурного порфира покрыты длинными шелковыми коврами. Эдриси, шедший первым, оглянулся и заметил любопытный взгляд О'Брайена.

– Лестница жрицы Обитателя Ирема, – сказал он, показывая на черный спуск. Внешне не проявляя сарказма, он повернулся и показал на роскошно украшенную лестницу. – Ты видишь спуск из покоев богини-жрицы Ваала и Иштар, которым теперь пользуется жрица Обитателя Ирема.

Искусно представленное доказательство несправедливости и угнетения, которые заставили мягкую Истару отправить сокола с отчаянным призывом к Ваалу. О’Брайен, нахмурившись, вопросительно посмотрел на Тигру. Та с гордой скромностью поклонилась, но не потеряла смелости.

– Повелитель Света знает, – сказала она, – что я взяла свое не как жрица Обитателя, а как султанша ваалитов. Власть есть доказательство права на управление и почести. Великая честь для Ваала, бога ваалитов, что Тигра, их султанша, доказывает свою власть.

– Тигра доказала свою власть, а теперь повелитель воздуха пришел по молитве Истары, – с такой же находчивостью сказал Эдриси. – Дочь Бени Ассура живет в этих священных покоях богини-жрицы Бени Ада с тех пор, как Шеддад из сада и Ибн Ассур с севера вместе изгнали ноадитов из земли и построили этот город-башню.

Султанша бросила на О’Брайена полный очарования взгляд своих подведенных колем глаз.

– Воля Ваала – воля Тигры, – покорно сказала она.

О’Брайен вспомнил просторные роскошные помещения между проходом и лестницей на крышу. В них вполне разместятся личные покои двух человек.

– Лучше возвышать, чем опускаться, – провозгласил он свое решение. – Тигра может сохранить то, что взяла. Богиня-жрица будет жить вверху в помещениях перед ними.

Никакая бомба не могла бы поразить слушателей О’Брайена, так как это простое объявление. Истара негромко отчаянно крикнула и отшатнулась, а Эдриси с вызывающим видом встал перед ней. Алые губы Тигры побледнели, и ее бело-кремовые щеки почти позеленели от зависти.

– Какого дьявола? – про себя удивился О’Брайен. Он думал быстро и нашел объяснение. Все ошибочно решили, что он выразил желание, чтобы Истара жила с ним. И поторопился добавить спасительную «оговорку».

– Я буду жить в помещениях возле подъема на крышу. Рядом со мной будет жить Эдриси как стражник моих дверей. Остальные помещения будут разделены. В одних будет жить Истара, в других Тигра сможет дожидаться, пока предстанет передо мной.

Говоря, О’Брайен следил за лицами этих троих. И увидел на них улыбки облегчения и благодарности. Очевидно, он не только вышел из трудного положения: при этом все остались довольны. По его жесту Эдриси пошел дальше. Он шел за ним с улыбающейся Тигрой и с Истарой, а в нескольких ярдах за ними шли три жреца в черном и толпа девушек-служительниц.

Проходя через комнаты, О’Брайен отвел помещения царственным жрицам и велел им остаться. Истара с мягкой покорностью поклонилась и ушла вместе со своими служительницами в розовом. Тигра попыталась использовать обольщение, чтобы остаться с повелителем воздуха, но Эдриси очень вежливо закрыл ее в помещениях, которые выбрал для нее американец.

Когда молодой шейх, закрыв дверь, повернулся, О’Брайен встретил его улыбкой. Он начал подозревать, что спокойный остроглазый шейх Бени Ад обладает неплохим чувством юмора.

– Отличная работа, Эд, – заметил он. – На какое-то время мы от женщин освободились. Перейдем к царскому раздеванию. Эти яркие блески и уборы, может, и высший стиль, но в них очень жарко.

Он снял тяжелую, украшенную рубинами корону и перешел на арабский.

– Ванна вполне приемлема для того, кто пролетел через пустыню.

Проницательные глаза Эдриси расширились при виде совсем не величественной улыбки повелителя воздуха. Но О'Брайен верно оценил его. Там, что любой другой ваалит стоял бы, разинув рот, молодой шейх легко приспособился к легкому настроению сверхъестественного гостя. При упоминании ванны он понимающей улыбнулся и с поклоном провел О'Брайена в одну из комнат под крышей.

– Ничто не скроется от повелителя воздуха, – сказал он. – Ваал знает все тайные пути, ему известно все, что знал Бени Ад. А жрица Обитателя Ирема слепа к священным путям.

О'Брайен собирался задать вопрос. Кто такой этот загадочный Обитатель Ирема? Но прежде чем он смог заговорить, Эдриси нажал на ключевые камни в стене. Большая, но прекрасно уравновешенная алебастровая панель скользнула в сторону. О'Брайен увидел узкое отверстие, за которым начиналась лестница. Эдриси предложил ему снять корону и пройти вслед за ним в отверстие. Когда О'Брайен вслед за проводником начал спускаться, плита за ним с легким шумом вернулась на место.

У основания лестницы находился отсек без видимого выхода. Эдриси открыл незаметную каменную дверь в стене, и они вошли в богато обставленную комнату из пурпурного порфира. В дальнем ее конце бронзовая дверь преграждала вход. Эдриси открыл ее и хлопнул в ладоши. Немедленно появился десяток почти обнаженных служителей-мужчин. При виде короны О'Брайена и его богатого одеяния они склонились к его ногам.

Эдриси заметил, что американец нетерпеливо нахмурился, и резко приказал служителям встать. Но никто из них не решался прикоснуться к «Ваалу», поэтому Эдриси сам снял с него священные драгоценности и одеяние. После этого служители принялись за привычную работу, они проворно раздели О'Брайена, хотя его одежда, должно быть, была им совершенно незнакома.

Во время этого процесса О'Брайен заметил, что Эдриси взял в руки пистолет. Любопытство преодолело его страх перед громовой трубкой. Он всматривался в ствол, а пальцы его играли с курком. Если бы он случайно снял пистолет с предохранителя, его мозги могли бы разлететься.

О'Брайен рывком отобрал пистолет у молодого шейха и отдался – и буквально, и в переносном смысле – в руки служителей. Хотя они были полны благоговения, страха и удивления перед его огненными волосами, ярко-голубыми глазами и молочно-белой кожей, профессиональное мастерство им не изменило. Как только он был готов, его отнесли в мраморную ванную комнату, которая соперничала с ваннами Рима в самый его расцвет. Его погрузили в горячую ароматную воду, его вымыли молоком, вином и водой с розовым маслом, натерли шампунем, массировали и умастили стимулирующими и ароматными маслами.

Наконец, с прояснившейся головой, прибодрившегося и оживленного, его отвели назад, в комнату для одевания, и дали одеяние из легкого белого льна и красные кожаные туфли. Взмахом руки он отпустил служителей. Когда Эдриси закрывал за ними дверь, О'Брайен спрятав пистолет в шали, служившей ему поясом. Тем же путем, каким пришли, они вернулись в роскошные верхние помещения; Эдриси нес корону, одеяние и другие принадлежности повелителя воздуха.

– Отличная работа, Эдриси! Теперь мы назначаем тебя главой информационного бюро, – провозгласил О'Брайен.

Он уселся на парадный диван и на своем лучшем арабском языке сказал, что готов выслушать все, что шейх Бени Ада может сказать относительно ситуации в общем и в частности обо всем, что связано с султаншей Тигрой. Конечно, глаз Ваала видит все под небом, но последнее жилище повелителя воздуха находилось очень далеко от Чаши, и даже большие дела на расстоянии кажутся маленькими.

Эдриси не нужно было подталкивать. Он сразу начал говорить, красноречиво и энергично, довольный представившейся возможностью высказать множество аргументов против

Тигры, чтобы можно было избежать ее уговоров и колдовства. Играя свою роль, О'Брайен вынужден был пропускать множество ссылок и заявлений, которые были ему совершенно непонятны. Но к сумеркам, когда наконец у Эдриси истощился поток фактов и обвинений, американец приобрел – прямо или косвенно – множество фрагментарных знаний о Чаше Ваала и ее жителях.

Ноадиты, свирепые дикари, живущие за черной горой, были самыми первыми обитателями Чаши. Традиция утверждает, что они проклятые потомки забытого народа, построившего черный храм в Иреме и исчезнувшего из сада до прихода адитов. Из-за своих грехов адиты были изгнаны из Ирема врагом – пожирателем. Под водительством Шеддада они договорились с людьми Бени Ассура, пришедшими с севера, из Обителя Пустоты, то есть из пустыни, вероятно, Ассирийской. Вместе Бени Ад и Бени Ассур изгнали ноадитов за черную гору и построили город-башню Ваала.

Люди Бени Ассур владели оружием, их глава всегда предводительствовал в битвах. Но во времена мира править могла только богиня-жрица Бени Ад. Только она знает тайный путь, по которому можно пройти в Ирем, и только она приносит голубой цветок с исцеляющего дерева для ежегодной жертвы; если не будет этой жертвы, пески пустыни заполнят всю Чашу, кроме Ирема.

Богиня-жрица должна быть девственницей, избранной жрицей и подготовленной ею; предшествующая жрица сообщает ей тайный путь в черный храм Обителя Ирема. Так было все века с заключения договора. Но в последнее время темные потомки Абу Ассура отвернулись от Ваала, бога дня. Они сделали его серебряную сестру Иштар тождественной тьме, которую она всегда рассеивает своей лампой, и осквернили поклонение ей грязным ноадитским культом злого змея Обителя Ирема.

Теперь султанат Бени Ассура унаследовала Тигра. Она открыто провозгласила себя жрицей Обителя. Она бесстрашна, жестока и невероятно коварна. Она старается стать не только султаншей, но и богиней-жрицей Ваала. Она годами пытается силой, магией и жестоким убеждением вырвать у Истары тайну подземного прохода в Ирем.

Для любого ваалита убийство богини-жрицы – немыслимое святотатство. Убрать ее с ее священного трона значит неминуемо навлечь приход в Чашу песков пустыни, если только узурпаторша не сможет принести из сада цветок исцеления. Только по этой причине Тигра, женщина-воин и приверженец тайных искусств, вынуждена была отказаться от попыток и убийства своей невинной соперницы Истары.

8. Коварная султанша

О'Брайен отпустил молодого шейха и поднялся на крышу, чтобы обдумать положение. Горсть фиников и глоток теплой воды из фляжки послужили ему ужином. Он не хотел, чтобы танцующие девушки и подбострастные прислужники мешали ему думать. Манильская сигара и одиночество на крыше под сверкающими звездами больше подходят для размышлений. Непрерывный глухой гул огромного человеческого муравейника под ним не позволял ему отвлечься от ситуации.

Прежде всего вопрос о возвышенном положении, куда его завели обстоятельства и неумное желание сыграть роль. До сих пор он немного путался, но постепенно учится. Он может раскрыть свой обман и принять последствия этого – но как же Истара? В этом все затруднение. Нет, он должен играть первую скрипку, пока не удастся избавиться от Тигры.

Тигра, жестокая и прекрасная, подлинная Клеопатра! Неудивительно, что Цезарь, Антоний и все остальные подчинялись уловкам египтянки – если она была хотя бы вполовину так очаровательна, как эта великолепная злая женщина, полная огня, страсти и неги. Если бы только одна эта чарующая сирена была во главе ваалитов. Но есть еще Истара, милая, нежная, прекрасная Истара. Если бы была только одна из этих двух девушек, как замечательно было бы играть сверхбосса этих людей, чьи собратья по уму жили в Халдее и земле Савы за века до падения Трои и разрушения могучего Вавилона.

Он рассеянно бросил через парапет окурок сигары. С мраморной платформы донесся гул удивления: предмет с неземным запахом упал перед портиком храма Ваала. О'Брайен улыбнулся и закурил новую сигару, размышляя над самым удивительным фактором во всей этой путанице обстоятельств. Кто такой или что такое этот Змей или Обитатель Ирема, которого называют врагом Ваала и Пожирателем? Перед его мысленным взглядом возникли два образа: один – раздувшаяся голова гадюки, другой – чудовищный питон. Внизу, в гигантском кратере, с его тропической растительностью, вполне могут жить змеи крупнее боа констриктора Южной Америки.

Это возможное объяснение загадочного Обитателя слегка удовлетворило удивленное любопытство О'Брайена. Напряжение немного спало, и он обнаружил, что устал и хочет спать. Он двинулся к лестнице, но потом вернулся и расстелил бедуинский плащ под крылом самолета. Он один в этой чужой необычной земле среди неведомых людей. Несомненно, Эдриси можно доверять, но оружие в руках Тигры.

Сквозь путаницу ярких образов – мешанину из гротескно вооруженных ваалитских воинов, грациозных танцующих девушек и зловещих жрецов – О'Брайен через Долину Снов погрузился в бессознательное состояние. Он спал, пока его не разбудил предрассветный холод. Вздрогнув, он сел и осмотрелся. Он был поражен тем, что это не сон. Его жесткая постель – на самом деле крыша храма Ваала с шахматно расположенными разноцветными камнями. Из-под крыла самолета он мог видеть за парапетом краснеющий рассвет и высокие черные утесы, где хребет сливается с кратером, оградой сада. Тусклый медный блеск привлек его внимание к объекту на крыше. Это верх воронки, в которой находится страшный огненный глаз солнца над алтарем.

О'Брайен мгновенно выбрался из-под крыла самолета, сразу поняв, что ситуация реальна. Все это ему не приснилось. Он в Чаше Ваала, в самом сердце великой Аравийской пустыни. Он на крыше пурпурного храма, над городом-башней ваалитов; таких башен на земле не видели с падения Ниневии и Вавилона. Снизу доносится глухой гул человеческого муравейника, его обитатели проснулись и начинают дневную деятельность.

Он закурил сигару и через всю крышу пошел к воронке солнечного глаза. Хрустальная линза турмалинового глаза вызвала жизнеподобное видение зала храма, его колонн и людей,

трех тронов, таких разных, двух прекрасных жриц, еще более не похожих друг на друга, черного алтаря – и белого козла на алтаре. Мысль об извивающейся, дергающейся жертве заставила О'Брайена сжать рукоять пистолета. Тигра и ее жертва – вот две самые значительные особенности картины. Как повелитель воздуха, он превосходит всех, даже высокомерную султаншу, которой принадлежит власть. Она вместе с остальными склонилась перед ним. Но маловероятно, что ее покорность была добровольной. Предположим, он упадет с пьедестала или даже просто споткнется?

– Кошки Египта, как она улыбалась, глядя на этого несчастного козла! – пробормотал он. – О'Брайен, приятель, внимательней смотри под ноги. Ходи осторожно, но в стальных сапогах, и держи бронированный кулак в шелковых перчатках, если не хочешь стать козлом!

Над краем лестницы появился какой-то подвижный предмет. Рука О'Брайена легла на рукоять пистолета, прежде чем он узнал черную голову и пронизательное, оливкового цвета лицо Эдриси. В быстрой реакции освобождения от тревоги он выпустил пистолет и поманил к себе молодого шейха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.